

ВОСПОМИНАНИЯ БРИТАНСКОГО ТАНКИСТА ПИТЕРА УИЛЛЕТА

2-Я ЧАСТЬ – ЭЛЬ-АЛАМЕЙНСКОЕ СРАЖЕНИЕ (ОСЕНЬ 1942 ГОДА) И БОИ В ТУНИСЕ (ВЕСНА 1943 ГОДА)

Перед читателем вторая часть воспоминаний Питера Уиллета из 2-го Полка Гвардейских Драгун/2nd Dragoon Guards, также известного как Гнедые Королевы/Queen's Bays. Эта часть посвящена сражению под Эль-Аламейном (1, 2, 3) и [Тунисской кампании](#)

ЭЛЬ-АЛАМЕЙН

Начальная фаза Эль-Аламейнского сражения состояла из атаки четырех пехотных дивизий (9-й австралийской, 51-й Горцев, 2-й Новозеландской и 1-й Южноафриканской) на хорошо укрепленные позиции в северном секторе оборонительной линии противника. План заключался в том, что вслед за прорвавшейся в открытую местность пехотой пойдут танки. Гнедые, входившие в 1-ю танковую Дивизию, были неотъемлемой частью танкового клина. Дела пошли не так, как планировалось, поскольку полоса обороны, в особенности, минные поля, оказалась намного глубже, чем рассчитывали планировщики. В результате только после двенадцати дней непрерывных атак [Panzerarmee](#) была побеждена и оставила свои позиции.

Мои воспоминания о сражении фрагментарны и будут дополняться детальными описаниями начальной стадии боев, составленными Майком Томкиным (Mike Tomkin), в то время командиром взвода в Эскадроне В, сразу после битвы. Майк был очень эффективным командиром с хорошим чувством юмора, который после этих боев стал адъютантом полка и пережил войну. Вот что он писал:

Сражение началось в ночь 23 октября. 19-го мы были все далеко – лишь на краю дельты [Нила]. В ту ночь мы выдвинулись к пункту, находившемуся на полпути к линии фронта, и оставались там до ночи 21-го. После полудня того же дня полковник рассказал нам в деталях о том, что должно было произойти, в том числе, изложил план генерала Монтгомери, - это означало, что каждый солдат 8-й Армии узнал о том, что нас ждет. Было ясно сказано, что это сражение имеет важнейшее значение для исхода войны в целом и увязано с другими операциями. Это раскрылось нам позднее, когда произошло англо-американское вторжение в Северную Африку.

Вечером 21-го мы переместились на место сбора, находившееся примерно в 10 милях от края минных полей и близ моря. Мы прибыли туда в 01.00 22 октября и весь остаток дня спали, купались и занимались последними приготовлениями. Фредди Барнадо (Freddie Barnado) организовал получение всех необходимых карт, которых, казалось, было очень много и которые мы сумели затолкать в свои планшеты.

На следующий день, 23-го утром, к нам обратился наш бригадир, который сказал всея. Что от него ожидали. Он прочитал приказ [генерала Монтгомери](#), в котором тот выразил уверенность в том, что, если каждый офицер и рядовой пойдет в бой, полный решимости драться и убивать, мы выкинем противника из Северной Африки. Был получен оперативный приказ, после чего мы должны были нанести все, связанное с ним, на карты. Больше ничего не оставалось делать, как ждать вечера. У нас был хороший

ужин, который включал в себя определенное количество ирландского виски. Все были в отличном расположении духа и в хорошей форме. В Эскадрон В входили его командир Хамфри Велд (Humphrey Weld), кроме него, Джордж Рич (George Rich), Даглас Маккэллэн (Douglas MacCallan), Фредди Барнадо, Дэвид Гэй (David Gay), Билл Уэйтс (Bill Waits) и я. Мы тронулись в путь вскоре после 7 часов вечера и далее продвигались довольно медленно. Мы были передовым эскадром с несколькими бронемашинами впереди нас. В 21.40 началась артподготовка, и, хотя мы были все еще довольно далеко [от передовой], это было фантастическое по своей мощи зрелище. Все небо озарили вспышки пушечных выстрелов. Мы остановились: поступил приказ дозаправиться. На часах было около 23.00. Впереди нас в атаку шла пехота, и наше дальнейшее продвижение зависело от того, сумеют ли они выйти к намеченным рубежам. Я вытащил свой складной стул и уселся поудобнее. До нас дошла неясная информация – австралийцы, которые были прямо напротив нас, атаковали вполне успешно и к тому моменту вышли ко всем намеченным целям. Ровно в 2 часа ночи мы снова тронулись с места – на этот раз нам предстояло пройти весь положенный путь через минные поля.

До них оставалось еще определенное расстояние, и вскоре мы вышли на одну линию с артиллеристами, откуда могли наблюдать за артобстрелом с близкой дистанции. Я видел, как возвращались одна или две санитарные машины. Над нашим минным полем висел плотный слой пыли, что несколько ухудшало видимость. Мы продвигались вперед относительно спокойно, пока шли через британские минные поля, но потом ненадолго остановились, потому что произошла какая-то задержка в расчистке проходов через минные поля немцев. Длинная колонна Шерманов производила грандиозное впечатление, и позднее я слышал, что пехотинцы сильно взбадривал вид такого большого числа танков. Я сказал механику-водителю и стрелку-радисту закрыть свои смотровые щели, потому что неподалеку рвались немецкие снаряды. Я командовал последним взводом в эскадронной колонне. Фредди шел впереди, за ним был Дэвид, потом Хамфри, за ним – штабной взвод, Билл и я. За нами шел Эскадрон С.

Приказ ПО МАШИНАМ! Британские танкисты забираются в свои Шерманы...

Теперь впереди нас все пришло в порядок, и мы продвигались в вперед между фонарями (?-ВК), которыми был размечен проход в первом минном поле немцев. Я ожидал увидеть большое число убитых, раскиданных повсюду, но не увидел ни одного. Вот еще одна остановка перед выездом на второе минное поле. Уже был виден неясный свет на востоке, и я уже начал задумываться о том, сумеем ли мы пройти через минные поля до рассвета. Радио заработало, предположительно, имел место первый контакт с

противником. Я с облегчением услышал голос командира и другие знакомые голоса в эфире. До меня донесся голос Фредди, подтвердивший, что можно продолжить движение. Вокруг стало рваться больше снарядов. Я тронулся в путь, и дальше случилось вот что - танк Дагласа Маккэллена налетел на мину. Кроме того, что взрыв сорвал гусеницу, других повреждений не было. Мы объехали его танк, после чего два или три танка Эскадрона С подорвались на минах, так что мне повезло, что я проскочил. Снова задержка впереди, потому что там оказалось еще одно небольшое минное поле, а тем временем приближался рассвет. Командир (Элекс Баркли), судя по его голосу в эфире, казалось, немного побаивался того, что мы не пройдем [через минные поля] до рассвета. Однако Фредди, проявив немалую инициативу, продолжил движение и обнаружил, что через последнее минное поле уже есть проход. Наш эскадрон прошел по нему и развернулся насколько можно дальше, шедший за нами Эскадрон С тоже сумел выбраться. Становилось довольно светло. Первым делом мы увидели множество (пехотных) танков Валентайн/Valentine, поддерживавших австралийцев. Царила неразбериха. Никто из нас не понимал полностью, где находились австралийцы по отношению к нашему сектору фронта или то, во что ввязались Валентайны. Мы сами были очень далеко от рубежа, к которому должны были выйти к рассвету, главным образом, потому, что пехота не достигла всех поставленных перед ней целей.

Танкисты Эскадрона С в Ливии

Наконец Хамфри провел эскадрон через последнее минное поле, и он стал более или менее единым целым. Положение прояснилось. Часть высот в миле слева от нас все еще удерживал противник. На горизонте можно было разглядеть 1-2 немецких и несколько итальянских танков и грузовиков, так что мы открыли огонь по ним с большого расстояния. Наша позиция была отвратительной, укрыться было негде, не было возможности съехать пониже так, чтобы над землей осталась только башня. Я рассматривал горизонт в бинокль, давая наводчику разные цели и корректируя огонь. Неожиданно механик-водитель сказал мне, что зацепило перед нашей машины. «Какие-либо повреждения?» - спросил я. - «Нет, сэр.» - «ОК, продолжайте вести огонь.» Голос

механика прозвучал снова: «Еще одно попадание, сэр. На этот раз [через пробоину] виден дневной свет.» И так, я подумал, что будет лучше, если мы немного поменяем позицию. Мы это сделали и снова открыли огонь. Я вел наблюдение с макушки башни, когда случились две вещи. Что-то очень громко брякнуло о перед башни, и внутрь нее полетели голубые искры (оказалось, что это было попадание 50-мм снаряда в маску пушки), после чего меня сильно ударило в левый локоть. Я подумал на мгновение, что меня зацепило, но заряжающий показал, что мой локоть был позади пушки, когда ее затвор отлетел назад [после выстрела] ... Я подумал, что большой травмы от этого не будет, и продолжил вести бой. Затем я заметил позади нас небольшую песчаную грядку, которая могла быть кое-каким укрытием. Связался с Хамфри и сказал ему об этом, и он отправил взвод Фредди мне на помощь. Мы воспользовались моментом и осмотрели повреждения. Снаряд, который ударил в переднюю часть башни, оставил в ней большую вмятину. Два снаряда, попавшие в корпус напротив сиденья водителя не оставили больших следов... Мы по-быстрому вскипятили чай – это было совсем другое дело.

В строю оставались все наши машины, и те, которые подорвались на минах, снова присоединились к нам. Было сделано много рекогносцировочных вылазок, и, в конечном итоге, около 18.00, полковник сказал по радию, что предлагает попытаться взять намеченную цель, Высоту 33, на которой мы должны были оказаться к утру этого дня. Казалось, Хамфри несколько сомневался в такой необходимости. Однако мы развернулись, приготовившись к атаке: Эскадрон В справа, Эскадрон С слева. Затем, неожиданно для нас, все пошло не так. В танк Хамфри попал снаряд, и его охватило пламя. Я видел, как он и его экипаж выпрыгивают из машины и залетают в окоп. Хамфри прижимал руки к лицу. Еще один танк в штабном эскадроне был подбит, потом еще один в Эскадроне С. Все это произошло в ходе контратаки немцев, обходивших сзади наш левый фланг и танки 9-го Уланского Полка/9th Lancers. Теперь у меня было приблизительное представление о том, что происходит. Кто-то выпустил дымовой снаряд напротив нас. Мы сделали то же самое. Ситуация складывалась довольно неприятно. В эфире прозвучал голос полковника, приказывающий нам смещаться влево, то есть, вдоль кромки минного поля, чтобы поддержать 9-й Уланский Полк. Эскадрон А с его Крусейдерами/Crusader должен был идти первым. Мы последовали за ним настолько быстро, насколько было возможно. Казалось, все происходит крайне медленно. Мы вели огонь по немецким танкам, находившимся справа по фронту от нас, и я увидел, что один или два загорелись. Мы дошли до угла минного поля, потом повернули, и танки 9-го Полка оказались перед нами. Мы слились с ними и сформировали линию, обращенную фронтом к противнику. По пути мы потеряли только один танк. Казалось, 9-й Уланский к тому моменту хорошо отстрелялся по врагу. Напротив нас я разглядел несколько горящих немецких танков, остальные отстреливались или откатывались назад. Довольно большое количество итальянцев бежало нам навстречу, размахивая теми белыми предметами, которые были у них под рукой, от газет до жилетов или брюк. Казалось, они испытали такой ужас, что слетели с катушек.... Быстро темнело, и положение, в какой-то степени, стабилизировалось. Боезапас 75-мм снарядов подходил к концу, да и из пулеметов мы постреляли на славу.

Когда стало довольно темно, мы сместились влево и назад и разбили ночной лагерь вместе с парнями из 9-го Уланского. Я собрал машины Эскадрона В вместе и обнаружил, что у нас под рукой 7 или 8 танков. Дэвид Гэй пропал. Потом мы узнали, что его нашли раненым: взорвавшийся снаряд откинул крышку люка его башни ему на голову. Танк Билла получил попадание в бак для горючего, и, вроде как, ему надо было отводить его в тыл на ремонт. Мы расположились на ночлег, который не обещал быть особенно комфортным. Джон Полли (John Weller Polley), артиллерийский наблюдатель, приданный 9-му Уланскому, присоединился к нам, и мы с Фредди поделили с ним нашу еду, - то, что приготовил капрал Лин (Lean): чай, жаркое из мяса и овощей и немного виски из того,

что было у меня в машине. Все были, скорее, мрачноватыми и подавленными, особенно Фредди.

Трудная ночь. Через наше расположение пролетают пулеметные очереди, кое-где падают снаряды. Ночью прикатили грузовики с горючим и боеприпасами. Один из грузовиков Эскадрона В подорвался на mine, так что нам пришлось одалживаться у Эскадрона С. Принято решение слить эскадроны В и С в единый эскадрон из Шерманов под командованием Билла Мэйнджера (Bill Manger), заместителя Джорджа Рича, со следующими командирами взводов: Фредди, Стивен Кристи-Миллер (Stephen Christie Miller), Дик Уорд (Dick Ward) и я. Со мной по-прежнему оставался мой взводный сержант Уэйхилл (Weyhill) со своим танком, моим третьим танком командовал сержант Карри из взвода Дэвида.

Идет загрузка боеприпасов. На переднем плане – Даглас Маккэллэн из Эскадрона В

Сначала мы покинули лагерь, организованными в вышеописанном порядке, впереди нас двигался взвод броневиков и несколько разведывательных машин. Мы намеревались дойти до Высоты 33 – нашей цели на вчерашний день. Мы продвигались прямоугольным строем, впереди шли танки Фредди и Стивена, и проехали около четверти мили, когда напротив нас я заметил бронемашину и остановился. Мы также разглядели трассы 88-мм снарядов. Продолжили путь и вскоре столкнулись с неприятностями. Эскадрон попал под сильный огонь 88-миллиметровок с левого фланга. Снаряд попал в башню танка Фредди, я помню, как в воздух взметнулись осколки и обломки, а его фуражка вылетела из башни и упала на землю позади танка. Затем, в быстрой последовательности зацепило еще один танк из его взвода и танк Стивена, и еще танк сержанта Карри (Currie) из моего взвода. Ситуация выглядела довольно мрачной. Помню прозвучавший по радио совершенно спокойно голос полковника: «Если у вас проблемы с 88-миллиметровками, поставьте дымовую завесу, и все будет ОК.» Мы продолжали маневрировать во все стороны, оставаясь на одном месте не более чем на несколько секунд. Помню, как Джордж стоял на корме своего танка, покуривая сигару, потом я обнаружил, что он помогает своему наводчику, которого ранило. Я заметил, что танк сержанта Уэйхилла подбит и горит. Мы отошли немного, укрывшись за дымовой завесой, и оглянулись. Отвечая полковнику, который спросил, как идут дела и все ли в порядке, Билл Мэйнджер ответил: «Да, но [нас] осталось немного.» Это было правдой, потому что из 12 танков и у нас, вроде как, осталось 4. Мы остались на месте, ведя огонь по разным целям с большого расстояния. Позднее подвезли боеприпасы. Заправляя машину, я нашел сержанта Уэйхилла, который выглядел потрясенным, но держался. Остальные парни из его экипажа погибли, погиб и один из офицеров в своей разведывательной машине.

Остаток дня мы провели на том же месте. Справа от нас итальянцы атаковали австралийцев, но были отброшены, потеряв 13 танков. Вечером танки 10-го Гусарского Полка/10th Hussars атаковали гряду прямо в лоб. Они ничего не добились: наскочили на мины и потеряли пять машин, уничтоженных 88-миллиметровками. Позднее мы подавили одну из них. начиная с этого момента дела пошли интересные во всем, что касалось нас.

Теперь взглянем на события с точки зрения Эскадрона А.

Утром 24 октября Эскадрон А рассредоточился на открытой местности между двумя параллельными минными полями противника. На протяжении нескольких часов ничего не происходило. Затем, когда начинался вечер, пришел приказ атаковать *Высоту 33* – едва заметный бугор, с которого открывался хороший вид на обширное пространство. Эскадроны В и С пошли вперед с Эскадронам А, следовавшим за ними в резерве, но они

не продвинулись далеко, попав под град 88-мм снарядов, потеряв несколько танков. Мы получили приказ изменить направление атаки, повернув левее, вдоль кромки минного поля, туда, где действовал 9-й Уланский. Когда мой танк повернул влево, я проехал мимо горящего танка Хамфри Велда (на фото слева), командира Эскадрона В, который скорчился на земле, укрывшись за своей машиной. У него сильно обгорели руки. Мы проехали мимо танков 9-го Уланского, которые перегруппировывались, чтобы развернуться фронтом к *Высоте 33*, и заняли позицию слева от них. И тут незамедлительно множество немецких танков пошли в атаку вниз по склону *Высоты 33*, но были встречены огнем 9-го Уланского. Многие вражеские танки были подбиты, и атака захлебнулась. Обездвиженный немецкий *Pz. III* остановился в нескольких сотнях ярдов напротив меня,

и я продолжал вести огонь из своей мортиры, целясь рядом с ним, на случай, если рядом с ним укрывались члены его экипажа. Но быстро темнело, и мы встали на ночь лагерем. Я нашел итальянский окоп и проспал в нем всю ночь.

Утро 24 октября 1942 года. Шерманы 2-й Танковой Бригады выдвигаются на стартовый рубеж для атаки. Горизонт освещен орудийными вспышками – артобстрел немецких позиций продолжается

С первыми лучами солнца эскадроны В и С получили приказ возобновить атаку на *Высоту 33*, и снова были отброшены огнем 88-миллиметровок. Фредди Барнадо и Стивен Кристи-Миллер, двое лучших и храбрейших командиров взводов, были убиты. Те, кто видел первого перед атакой, говорили, что на его лице можно было увидеть печать смерти, настолько тяжкими были предчувствия, [которые он испытывал.] На самом деле, атакующий танк не имеет шансов против 88-миллиметровок, способных уничтожить любую машину с расстояния до 3 000 ярдов. Попытки захватить *Высоту 33* силами танков 2-й Бригады без поддержки [пехоты] пришлось оставить...

Когда полностью рассвело, мы, танкисты Эскадрона А, смогли увидеть, что находимся на южном краю неглубокого понижения [в рельефе], лишенного всякой растительности. Напротив нас, в миле, находилась невысокая гряда, и в тот момент перед нами открывалась невероятная картина. Слева направо, за грядой, перемещался поднятый под крутым углом к горизонту ствол огромной пушки недоступного глазу танка или самоходки. Наши артиллеристы открыли огонь и благодаря невероятной удаче не только добились прямого попадания в эту машину, но и вывели ее из строя. Ствол пушки резко остановился, и над ее местонахождением начали подниматься клубы черного дыма. Она продолжала гореть весь день, но мы так и не узнали, на каком шасси эта пушка перемещалась.

Был еще один небольшой признак перемещений на позициях противника. Очевидно, они держали нас под наблюдением, и мой танк был целью постоянно ведущегося с большого расстояния огня из противотанковой пушки. Один снаряд падал в нескольких ярдах перед танком, поднимая небольшое облако пыли, за ним следовал другой снаряд, падавший в нескольких ярдах позади меня. После этого я перемещал танк на 100 ярдов вперед или назад, чтобы сбить противнику прицел, потом эта последовательность событий повторялась снова и снова. Так продолжалось большую часть дня, но им так и не удалось добиться попадания.

Разглядывая пустую низину через бинокль, я заметил темное пятно на ее охристом днище, - это мог быть стрелковый или орудийный окоп. Я рассчитал расстояние до него – что-то около 1 500 ярдов, - как раз в зоне досягаемости моей мортиры – и открыл огонь. Первый снаряд лег прямо перед этим пятном, второй – сразу за ним, и я уже готовился выпустить третий, когда Джекки Хармэн (*Jack Harman, 1920-2009, в 1978-1981 годах – заместитель командующего Союзными Силами в Европе, слева на послевоенном фото - ВК*), замкомандира взвода, вышел на связь и сказал, что видит, куда я целюсь, но этот объект находится за пределами моей досягаемости. На самом деле, он, должно быть, ошибся в определении того, что было моей целью, до которой я вполне мог дотянуться, но мне пришлось прекратить стрельбу.

Вечером этого дня я получил приказ передать свой танк другому экипажу, вернуться в тыл, получить новый танк после его доставки и остаться в резерве. Полк оставался на передовой еще несколько дней, но почти не вступал в бой, а потом был отведен в резерв для того, чтобы принять участие в финальном ударе, который планировался в тот момент. Первоначальный план, заключавшийся в прорыве силами бронетехники, потерпел неудачу. Оборонительные линии противника, расположенные за удачно выложенными минными полями, оказались подготовленными на большую глубину, чем мы рассчитывали, на несколько дней сражение превратилось в то, что Монти ([Бернард Монтгомери](#)) назвал *перемалыванием*, в ходе которого силам вражеской пехоты методично наносились потери нашими атаками ограниченного масштаба. Главным инструментом этого *перемалывания* была 9-я Австралийская Дивизия, которая показала себя лучшей пехотной частью в пустыне. Каждый день я ходил в полковой штаб, чтобы изучить карту текущей ситуации, и

каждый день я видел, что австралийцы снова добились продвижения вперед, в северном направлении, угрожая этим перерезать приморское шоссе и изолировать немецкую 164-ю Дивизию, удерживающую северное окончание линии обороны противника. Это было высшим проявлением героизма, которое вынудило [Роммеля](#) сконцентрировать резервы в этом секторе фронта и ослабить оборонительные позиции южнее. Это дало Монти такую возможность маневра, которую он использовал, и обеспечило осуществление операции *Supercharge*, которая решила исход сражения под Эль-Аламейном.

Операция *Supercharge* началась с атаки 2-й Новозеландской Дивизии и двух британских пехотных бригад, которые пробили брешь глубиной 4 000 ярдов в позициях немцев. За этим последовала атака 9-й Танковой Бригады, нацеленная на прорыв противотанковых позиций на гряде Тель-эль-Аккакир/Tel el Aqqakir и дальнейшее выдвигание 1-й Танковой Дивизии на оперативный простор открытой местности. Пехотная атака достигла полного успеха. Атака 9-й Танковой Бригады провалилась, потому что задержалась на полчаса: вместо прорыва в темное время суток танкисты атаковали с первыми лучами солнца, когда силуэты их машины стали хорошо видны на фоне светлеющего неба. Несмотря на высочайшую храбрость танкистов и уничтожение ими большого числа [противотанковых] пушек атака не достигла поставленных целей. Монти (*кличка Монтгомери – ВК*) сказал Карри (Currie), командующему бригадой, что он готов смириться с потерями в 100% [для достижения успеха] - это было не самым разумным высказыванием, потому что, если ты потерял 100% своих людей, ты проиграл сражение...

К тому моменту. Когда 1-я Танковая Дивизия догнала 9-ю Танковую Бригаду, последняя прекратила свое существование как боевая часть. Королевские Уилтширские Йомены/Royal Wiltshire Yeomanry имели в строю лишь две машины, танкисты 3-го Гусарского Полка – семь и Уорикширские Йомены/Warwickshire Yeomanry – 8 (*перечисляются полки, в состав которых входили танковые батальоны 9-й Бригады – ВК*), еще два танка осталось при штабе бригады. Из первоначального состава – 94 танков – 75 были потеряны. В бой пошли 490 человек из 9-й Бригады, 230 из них были убиты или ранены. Эта атака была подобием атаки [Легкой Бригады](#) под Балаклавой, случившейся 88 лет назад почти день в день.

Как следствие, перед 1-й Танковой Дивизией не было открытого пути для превращения тактического прорыва в оперативный. Мой взвод был первым в передовом эскадроне передового полка 1-й Танковой Дивизии. Когда мой танк вырвался из облаков пыли, поднимавшихся над полосой минного заграждения, я уже мог видеть далеко впереди хаос, возникший в результате попытки прорыва 9-й Бригады. Огневые трассы пересекали небо во всех направлениях, мелькали вспышки пушечных выстрелов, танки взрывались, выбрасывая клубы дымы и языки пламени. Взвод Тома Толлера (Tom Toller), проследовавший вторым через минное поле, должен был выйти на одну линию с моим, справа, но, казалось, на это может уйти целая вечность. С моим левым флангом все было в порядке: о нем побеспокоились танкисты 9-го Уланского Полка. Меня беспокоил правый фланг. На той стороне все еще было очень темно, и эта стена тьмы создавала ощущение какой-то непостижимой угрозы. Наконец танк Тома встал рядом с моим, его голова и плечи, его куртка из овчины были видны над башней. В этот момент в темноте сверкнула вспышка пушечного выстрела, и в танк Тома угодил снаряд. Он остановился, и в то же мгновение Том вылетел из башни... Передовой офицер-наблюдатель из поддерживающего нас артиллерийского 11-го Полка Королевской Конной Артиллерии/Royal Horse Artillery следовал за передовой группой машин. Он резко повернул свой *Стюарт/Stuart* в направлении ствольной вспышки, но следующий выстрел пробил его лобовую броню убил его. Том, по счастью, остался целым и невредимым, но его механик-водитель был убит...

Передовая группа машин был остановлена огнем 88-миллиметровок у гряды Тель-эль-Аккакир, и в течение следующих двух дней движения было очень мало. Том Дрэффен (Tom Draffen, комполка) получил повышение и занял должность замкомандира бригады, а

командование полком было передано Элексу Баркли, бывшему командиру Эскадрона А. Элекс был наиболее уравновешенным из всех командиров. На протяжении долгого времени он был очень немногословным. Как-то раз, уже после окончания боев в Африке, я сидел рядом с ним в предбаннике столовой и ждал, когда нас позовут на ланч. 10 минут он молчал, а потом спросил меня: «Питер, как ты думаешь, правда ли, что противотанковая пушка главнее танка на поле боя.» - «Да, полковник,» ответил я. «О да, вижу,» - сказал он, после чего замолчал еще на пять минут. В своих послевоенных делах он проявил себя, в некоторой степени, шарлатаном, но в сражении на него можно было положиться и быть уверенным в том, что он не совершит что-то глупое и непродуманное. Он был идеальным командиром в бою у гряды Тель-эль-Аккакир.

Проникновение вглубь обороны противника в ходе операции *Supercharge* был столь глубоким, что эта гряда стала последним бастионом на пути полного прорыва, и немцам оставалось или удерживать ее, или проигрывать сражение в целом. Каждый танк, каждая противотанковая пушка, каждое полевое орудие, которые они могли найти, были брошены в бой против нас. Пули и снаряды непрерывно сыпались на нас, и к концу второго дня мои

нервы единственный раз за всю войну начали сдавать. Джон Тэйтэм-Уортер (John Tatham-Warter, на фото слева) выжил в сражении на *Линии Газала*, сидя вместе с Томом Дрэффеном на корме его командного танка. Подставляя себя подобным образом под куда более плотный огонь у гряды Тель-эль-Аккакир было самоубийственной храбростью, и он был убит, когда стоял на корме своего танка и направлял действия своего эскадрона. Его сменил Джекки Хармэн. Джон и Джекки были выпускниками Веллингтонского Колледжа/Wellington Colledge в Беркшире/Berkshire, и Эскадрон А был эскадронам *Старых Веллингтонцев*, поскольку я и еще один комвзвода, Питер Джилл (Peter Gill), учились в этом колледже.

Во время одного из редких затиший какой-то пехотинец с непокрытой головой вылез из соседнего окопа, подошел к моему танку и протянул свою пустую флягу. Мы наполнили ее из запасной канистры, и, прежде чем вернуться в свою ячейку, он положил свою руку на бок танка и сказал: «Вы бы не заставили меня залезть в этот долбаный передвижной гроб...»

На второй день атаки *Supercharge*, 2 ноября, имела место наиболее решительная контратака Роммеля. В помутненном от полуденной жары воздухе *панцеры*, шедшие рядами один за другим и поддержанные итальянскими танками, атаковали участок фронта, удерживаемый 2-й Танковой Бригадой. Так сгорела вся 21-я Танковая Дивизия немцев. *Шерманы* собрали большую жатву, и когда контратаки прекратились в конце дня, были уничтожены 117 танков *Оси*. Один из них подбил Джордж Рич, замкомандира Эскадрона В. Элекс Баркли вызвал его по радиации, чтобы поздравить: «Какое было расстояние?» - спросил Элекс. – «Ну, с пятнадцати сотен [ярдов], за двумя поворотами, не знаю, сколько это всего,» - ответил Джордж... 21-я Дивизия *панцеров* прекратила свое существование как боевая часть.

Прорыв, который произошел через два дня, был осуществлен силами пехоты южнее от нас. Когда мы повернули, чтобы воспользоваться им, мы проезжали мимо мертвого немецкого офицера, распластавшегося на земле. На шее у нее сверкал бинокль. Это показалось мне прекрасной возможностью обзавестись первоклассным биноклем, но, помня о том, как немцы любят оставлять мины-ловушки, я решило проигнорировать ее.

Окончательный прорыв произошел в секторе [итальянской] дивизии *Trieste*, оборона которой развалилась. Не получив никаких сведений от этой дивизии о ее разгроме, [фон Тома](#) (von Thoma), командующий *Африканским Корпусом*, отправился туда на своем командирском танке, чтобы разобраться что к чему, и был взят в плен Грантом Сингером

из разведвзвода 10-го Гусарского Полка. Вечером того же дня фон Тома был приглашен Монти на ужин, за которым ему сообщили, Сингер был убит после полудня. Потом, уже из плена, фон Тома написал родителям Сингера письмо с соболезнованиями...

Продвинувшись за последнюю оборонительную линию войск *Оси*, мы оказались совсем в другой обстановке. Многие дни мы были окружены танками, ведущими бой или превратившимися в горящие груды обломков, нас оглушала какофония сражения, а теперь мы были на открытой местности, где в поле зрения не было ничего, кроме маячивших вдалеке групп машин, принадлежавших убегающим немцам машин или представленных нашими броневиками. Стояла тишина, нарушаемая только гулом моторов наших танков и грохотом их гусениц. Мы продвигались курсом на северо-запад, рассчитывая выйти на приморское шоссе в 20 милях к западу от Эль-Аламейна с Эскадронам А на левом фланге и сводным эскадронам, составленным из остатков эскадронов В и С, на правом. Мы продвигались так около двух часов, когда сводный эскадрон наткнулся на одинокую 88-миллиметровку, расположившуюся на какой-то гряде. 88-миллиметровка была выведена из строя первым же выстрелом идущего впереди *Шермана*. Единственный уцелевший артиллерист из ее расчета сбежал с гряды и, находясь в поле зрения Эскадрона А, запрыгнул в пустой глубокий окоп, вырытый для машины. Один из командиров танковых экипажей швырнул туда гранату, стоя в башне. Она, подпрыгивая, покатила вниз по склону гряды в направлении окопа, словно мячик. Немецкий солдат, окаменев, стоял и смотрел на нее, одна его рука была вытянута назад и касалась стенки окопа. В нескольких ярдах перед ним граната взорвалась.

Было это убийством невооруженного солдата? Кто-то стал бы утверждать, что так и было. С другой стороны, у немца была возможность сдаться, но он этого не сделал, а попытался бежать, чтобы сражаться и дальше. Обязанностью танкистов было предотвратить это любым способом. Это была одна из моральных дилемм, на которую не было ответа и которые неизбежно возникают на войне, когда нет времени на рассмотрение альтернатив...

Приморское шоссе, до которого мы добрались через час, представляло собой сцену полного хаоса. Повсюду были видны немецкие грузовики, повернутые во всех направлениях и брошенные из-за отсутствия горючего. Некоторые были пустыми, в некоторых их груз оставался нетронутым. В одном мы нашли упаковки с нижним бельем, вне всякого сомнения, готовые к раздаче в преддверии зимы. Задний откидной борт был опущен, некоторые упаковки были вскрыты, и земля поблизости была усеяна белыми жилетами и кальсонами. В тот вечер наши бронемашины вышли к уступу, ниже которого находилась Фука (*приморский городок – ВК*), в 40 милях к западу от Эль-Аламейна.

Ноябрь – это месяц, когда время от времени в пустыне идут дожди. 7 ноября пошел ливень, охвативший полосу между Аламейном и Мерса Матрухом и превративший обширные пространства в топкие болота, непроходимые для колесного транспорта. Целые 12 часов грузовики с горючим не могли добраться до расположения *Гнедых*, и танки остановились в нескольких милях от цели – от пункта, где они должны были перерезать приморское шоссе. Если бы погода осталась сухой, мы бы, вне всякого сомнения, отрезали бы большое количество отступающих немцев, но, вероятно, не всех, поскольку практически было бы невозможно поймать в ловушку целую армию, имея открытым весь пустынный фланг. Немцы столкнулись с этой проблемой и не сумели справиться с ней, когда 8-я Армия в полном составе отступала от *Линии Газала* пять месяцев назад.

Монтгомери подвергся критике современными военными историками за свою нерешительность в преследовании *Panzerarmee* после Аламейна, но, с моей точки зрения, эти нападки лишены оснований. Ни Монти, ни [Ламсден](#) (Herbert Lumsden, командир 10-го Корпуса британцев) не продемонстрировали отсутствие решимости в этом вопросе, но они не могли взять под контроль силы природы.

Двумя днями позднее я наткнулся на группу утративших боевой дух итальянских солдат, бредущих через пустыню и потерявших ориентировку. На них была драная, измятая и грязная серая униформа, у них не было оружия, они вымокли, были голодными и выглядели жалко. Они не представляли собой никакой угрозы. Я не мог ничего для них сделать, кроме того, чтобы показать им, где восток и сказать идти дальше, пока они не наткнутся на какую-нибудь часть, которая возьмет их в плен. У итальянцев, как у солдат, была плохая репутация. Их немецкие союзники презирали их и дурно с ними обращались, а противником рассматривались как бездельники. По правде говоря, такая репутация не была полностью оправданной. Их лучшие части, такие как воздушно-десантная дивизия (на самом деле, бригада – ВК) *Folgore*, которая сражалась бок о бок с ни с чем несравнимой [бригадой немецких парашютистов Ramcke](#) под Эль-Аламейном, заслуживала уважения. Но у них было слишком много проблем, которые нужно было преодолевать. Ими плохо командовали, дальность стрельбы их полевых пушек не шла ни в какое сравнение с британскими 25-фунтовками, их танки имели слабое вооружение и броню, их автотранспорт не годился ни с точки зрения качества, ни с точки зрения количества для условий пустыни. Многие из их грузовиков имели сплошные резиновые шины, из-за которых езда по каменистой поверхности была страшно некомфортной, а сами грузовики от тряски разваливались, не проехав и сколь-нибудь большого расстояния. Только немногие итальянские солдаты были настроены сражаться, и та группа, которую я встретил после Аламейна, была полностью деморализована. Было невозможно не испытывать к ним симпатии, - к людям, которых отправили на безнадежную войну в погоне за нереалистичными амбициями *Дуче*.

Итак, армия Роммеля была побита по всем статьям. Теперь, когда его тылам угрожали высадившиеся в Алжире союзники, у него не было другого выбора, кроме как вести арьергардные бои, пока его войска не доберутся хотя бы до границы Ливии и Туниса. До этого у *Гнедых* не было возможности принимать участие в активных боевых действиях.

Эль-Аламейнский мемориал. Автор воспоминаний у памятника танкистам

Второй Эль-Аламейн стал триумфом тактики и стратегии *Монти*. [Александр](#) (Harold Alexander), который сменил [Окинлека](#) (Claude Auchinleck) на должности главнокомандующего на Ближнем Востоке и был старшим над *Монти*, оставил за последним организацию и руководство боевыми действиями в этом сражении. Харизма

Монти, тщательный подход к планированию, умелое использование массированного артогня, способность перебрасывать резервы к линии развертывания на наиболее важные участки и в самое нужное время, несокрушимая уверенность в себе – все это были составные части его успеха. Его единственной слабостью была неспособность видеть ограниченные возможности бронетехники, когда существует примерное равенство в качестве танков и противотанковой артиллерии, как это случилось под Эль-Аламейном. Когда существует таков равенство, танк эффективнее в обороне, чем в атаке, как это стало очевидным при разгроме *панцеров* у гряды Тель-эль-Аккакир, где наши танки вели оборонительный бой, или на участке *Snipe*, где сражалась 2-я Стрелковая Бригада, уничтожившая с помощью своих 6-фунтовок 57 танков и самоходов *Osu*.

Его первоначальный план прорыва танковыми силами был нереалистичным в тех обстоятельствах, и эта проблема усугубилась из-за серьезной недооценки ширины немецких минных полей на глубину. Но все эти ошибки командующего армией не идут в счет, так как сражение под Эль-Аламейном было выиграно, и война в Африке стала приближаться к ее неизбежному концу...

ТУНИС

События зимы 1942-1943 годов, последовавшие за Эль-Аламейном, потускнели у меня в памяти. Наш полк не участвовал в преследовании Роммеля, и я признателен Уилли Беддингтону (Willy Beddington), оставившему книгу *History of The Queen's Bays*, в которую вошли очерки происшедшего в те месяцы. К середине ноября наш полк остановился в Акроме/Асгома, в нескольких милях от Тобрука, где большая часть *Шерманов* была передана 22-й Танковой Бригаде для использования в погоне за отступающими немцами. Вот что он писал:

На следующий день полк тронулся в путь по приморскому шоссе и, пройдя десять миль вглубь пустыни, остановился лагерем. Этот участок пустыни должен был стать его домом на следующие три с половиной месяца. Были организованы [учебные] курсы и отдых, предоставлялись отпуска. Грунт выравнивали, чтобы можно было поиграть в футбол и хоккей. Освещение и радио работали от танковых аккумуляторов, и, в какой-то степени, были обеспечены цивилизованные условия и здоровый образ жизни, так, чтобы у людей были заняты мозги и гасился [избыток] энергии...

Даже по стандартам Ливийской пустыни окрестности лагеря были крайне тусклыми, непримечательными и негостеприимными. Монотонность серой плоскотины была нарушена лишь однажды. В середине января хлынул сильный ливень, сопоставимый по масштабу с тем, что случился 7 ноября, но тогда как за ноябрьским дождем последовали дни с низкой, свинцовой облачностью, и пустыня осталась покрытой топкой грязью, за январским ливнем пришли солнечные дни. За сорок восемь часов крошечные цветы покрыли пустыню до горизонта ковром-калейдоскопом желтого, фиолетового и красного цвета. Недавно пришедший командир взвода Джон Норт (John North по кличке *Cushy*), увлеченный своим делом цветовод, который после войны занялся разведением хризантем в Сассексе, выкопал несколько растений и поставил их в середине стола столовой Эскадрона А (он был сделан из большого дорожного знака.) Благодаря заботливому уходу, они продержались дольше, чем мириады цветов, оставшиеся в земле, которые исчезли через несколько дней...

Однажды я отправился в Бенгази, чтобы прикупить продуктов. Мы нашли группу бедуинов-пастухов, рассеявшихся на земле под городской стеной, но все, что они могли продать, это бараньи яйца. Однако мы раздобыли большое количество консервных банок с зеленым горошком и фасолью из итальянских армейских пищевых рационов. Их содержимое оказалось на удивление сочными и вкусными, особенно фасоль. Я лишь еще один раз выбрался из лагеря с группой из примерно 20 офицеров из нашего полка, из 9-го Уланского

и 10-го Гусарского на место боя под Антелатом/Antelat, Саунну/Saunnu и близ *Колодца с Ветряным Насосом/Well with Windpump*, туда, где 2-я Танковая Бригада год назад потерпела сокрушительное поражение, за которым последовал разгром под Мсусом (*речь идет о 2-м наступлении Роммеля – ВК*). На разных участках офицеры из каждого полка вспоминали о своем участии в этом сражении, но свежие мудрые мысли не прозвучали, разве что все сошлись на том, что принятый в то время способ атаки, когда эскадрон танков надвигается на противника по диагонали, разворачивается под углом 90 градусов и быстро уходит, ведя интенсивный огонь на каждой стадии этого маневра, был бесплодным и вел к катастрофе. Теперь он отсутствовал в *репертуаре* офицера-танкиста.

До места, где 1-й Танковой Дивизии и, что более важно, *Гнедым* предстояло вступить в следующую схватку было расстояние в 150 миль – от Мерса Матруха до *Линии Марет/Mareth Line*. Узкое, отсыпанное щебнем полотно дороги, соединявшей эти два участка, проходила через Джебель Ахдар/Djebel Akhdar – *Зеленую Гору*, где были построены образцовые деревни для итальянских колонистов. Они были брошены людьми зимой 1942-1943 годов, и здешняя плодородная земля осталась невспаханной...

Прошло много времени между 7 ноября 1942 года, когда полк прекратил преследование отступающих после Эль-Аламейна немцев, и 13 марта 1943 года, когда полк прибыл на участок в районе французского городка Меденин/Medenine, расположенного близ Ливийско-Тунисской границы, не доходя 10 миль до *Линии Марет*. Все эти месяцы *Гнедые* не жили в полной изоляции от того, что происходило на фронте. Джек Даллас (Jack Dallas), один из самых живых и восхитительных парней в полку, служил в штабе Армии в качестве офицера связи в период преследования Роммеля вплоть до Триполи. В один из вечеров он был вызван к командующему Армией. Монти вышел на верхнюю ступеньку лестницы, ведущей в его фургон, и сказал ему жестко и отрывисто: «Я хочу, чтобы вы нашли генерала Уимберли (Douglas Wimberly, 1896-1983) и передали ему следующее сообщение. Он должен продолжить оказывать давление [на противника] с максимальной энергией, скорость является наиболее существенным фактором.» Даглас Уимберли командовал 51-й Дивизией Горцев (Highland), которая в тот момент была в авангарде, на расстоянии примерно 100 миль от Триполи. После долгих поисков Джек нашел Уимберли, дело было ночью, когда ярко светила Луна. Он был на дне глубокого *вади/ручья*, - генерал подпирал плечом 3-хтонный грузовик, помогая другим вытолкнуть его из зыбучего песка. Джек встал на кромку борта *вади*, отсалютовал и сказал: «Командующий Армией шлет вам свои наилучшие пожелания. Вы должны продолжать преследование в самом быстром темпе, скорость – наиболее существенный фактор.» Не оставляя усилий, Уимберли повернулся на пол-оборота и бросил, задыхаясь, через плечо: «Хорошо, вы можете сказать командующему армией, что я делаю все от себя зависящее.»

Близ Меденина полк стал лагерем на травянистой равнине, которая растянулась на 10 миль до подножия гор Матмата/Matmata и *Линии Марет*. Несколькими днями ранее здесь имела место контратака войск *Оси*, с помощью которой они намеревались задержать какие-либо попытки прорыва через *Линию Марет*. 8-я Армия была готова к этому, и ее противотанковый заслон, включавший новые 17-тифунтовые пушки, которые были в состоянии уничтожить любой немецкий танк, вступил в бой. Итоги боя под Меденином показали, что Роммель, как и Монти, мало что понимал в ограниченном характере возможностей танков, когда им противостоят хорошо окопавшаяся противотанковая артиллерия и танки, равные своим собственным танкам по боевым характеристикам. Атака была отражена, 10-я, 15-я и 21-я дивизии *панцеров* понесли тяжелейшие потери – 50 машин. 8-я Армия не потеряла ни одной...

Вади Зигзау/Zigzaou. На переднем плане – сухое русло, заполненное зыбучими песками, над крутым бортом – ДОТ

Линия Марет была сильнейшей оборонительной полосой между Эль-Аламейном и Тунисом. Построенная французами для обороны от возможного вторжения со стороны Итальянской Ливии, она закупоривала 15-мильный просвет между морем и сильно расчлененными горами Мамата. Она опиралась на глубокий и топкий *вади* Зигзау, представлявший собой эффективный противотанковый ров.

Укрепления представляли собой развитую на глубину полосу бетонных ДОТов и укрытых в окопах огневых позиций, практически неуязвимых для огня полевой артиллерии. Монотонность плоской равнины здесь нарушалась лишь присутствием изолированной вершины высотой до 2 000 футов, прозванной британцами *Эдинбургским Замком/Edinburgh Castle* и доминировавшей над обширной местностью. Чтобы рассмотреть подходы к *Линии Марет*, где мы, как ожидалось, будем сражаться, я с Джекки Хармэном в один из дней решил подняться на вершину *Эдинбургского Замка*. Единственная существующая узкая тропа вилась между скальными выходами и по узким промоинам, и, когда мы прошли где-то две трети пути, мы увидели, к своему ужасу, Монтгомери в сопровождении адъютанта и штабного капитана, приближавшегося к нам на пути вниз. Мы боялись, что он начнет задавать вгоняющие в краску вопросы, но деваться было некуда: слева от нас был вертикальный скальный уступ в рельефе, справа – крутой обрыв высотой несколько сотен футов. Он приветствовал нас словами *Добрый день, джентльмены*, произнесенными в веселом духе, и спросил, сколько времени мы уже провели на Ближнем Востоке. Мы ответили, что прошло шестнадцать месяцев. «Это недолго, - сказал он. – не стану посылать вас домой, когда все это закончится. Оставлю вас здесь, чтобы вы и дальше продолжали делать дело.» Он оказался неправ по отношению к тому, что стало с Джекки: его отправили домой вскоре после того, как война в Африке закончилась, - через два месяца.

Бои на *Линии Марет* начались в ночь с 20 на 21 марта с уже традиционной артподготовки, за которой последовала атака пехоты. Первоначальный план включал в себя прорыв *Линии* силами пехоты для развития успеха силами 1-й Танковой Дивизии, включавшими *Гнедых*, которые должны были войти в него и развернуться на открытой местности за полосой обороны. Пехота успешно прорвала линию обороны, но поддерживавшие ее танки и буксируемые противотанковые пушки застряли в *вади* Зигзау и попали под сильнейший артиллерийский огонь противника. Пехота попала под сильный контрудар немецких танков и уже не могла удержать свой передовой рубеж. Казалось, *Линию Марет* будет невозможно прорвать лобовым ударом. Монти немедленно принял это как должное и решил перенести фокус атаки левее, на западные отроги гор Мамата. Изменения в планах повлекли за собой для 2-й Танковой Бригады и *Гнедых* очень долгий марш через один из горных проходов и далее на северо-запад, - в общей сложности, 40 миль до участка, где 2-я Новозеландская Дивизия уже натолкнулась на вторую полосу обороны и 21-ю Дивизию *панцеров*. На протяжении многих миль этот марш был тяжелейшим испытанием, наихудшим из тех, которые выпали на нашу долю в пустыне. Наш путь проходил через, казалось, бесконечную полосу дюн, разделенных зарослями колючей травы, и темп нашего продвижения упал до скорости пешего хода. Мы потратили 13 часов на то, чтобы пройти 43 мили, прежде чем разбили лагерь на ночь. Оставалось еще 30 миль до участка развертывания перед атакой, но дальше дело пошло намного лучше.

Атака началась в поздние послеполуденные часы 26 марта. На ее острие были две бригады 2-й Новозеландской Дивизии вместе с 8-й Танковой Бригадой, и она стартовала от руин древней стены римских времен, протянувшейся от гряды невысоких холмов под названием *Джебель Тебага/Djebel Tebaga* на западе до гор Мамата на востоке. Она проходила при мощной поддержке *Военно-Воздушных Сил Пустыни/Desert Air Force*, чьи *Харрикейны/Hurricane*, *Томагавки/Tomahawks* и *Спитфайры/Spitfires* обрушили шквал бомб и свинца на немецкие позиции. Они пронеслись с нарастающим диким воем над нашими стоящими в ожидании танками так низко, что, казалось, вот-вот сорвут наши радиоантенны. В 17.30 поступило сообщение о том, что новозеландцы достигли поставленных целей, и наступила очередь 2-й Бригады входить в прорыв и развивать успех. Наступали сумерки, землю заливали красноватые отсветы заходящего солнца. Сначала сопротивление противника было хаотичным. Прошло немного времен, и в ответвлении узкой долины мы разглядели ярдах в 100 от нас пушки полевой артиллерийской батареи с кучами нерасстрелянных снарядов, сложенными рядом с ними, и стоявшие поблизости расчеты с непокрытыми головами. Наше появление застало их врасплох. Они, по-видимому, не имели понятия о том, как глубоко прорвались новозеландцы, и сдались, не оказав и малейшего сопротивления. Двести пятьдесят пленных немцев были отправлены в тыл. Мы остановились, когда наступила темнота, и прождали два часа, пока не взошла луна. Потом наступление продолжилось: 9-й Уланский продвигался справа, *Гнедые* – слева от вытянутой с юга на север дороги, идущей к стоявшей в оазисе деревне Эль Хамма/El Hamma, являвшейся нашей целью и отстоявшей от стартового рубежа атаки на 10 миль. В рядах немцев царил неразбериха. Время от времени одиночные машины противника пронеслись мимо нас, трясясь и подпрыгивая на пересеченной местности в слабом свете луны, пытаясь убежать. Один из командиров взводов Эскадрона А, Питер Джилл, сумел перехватить и захватить огромную 210-мм пушку. По мере нашего продвижения к Эль Хамме сопротивление противника усилилось. Несколько танков и 88-миллиметровок преградили нам дорогу, и, пытаясь найти укрытие от огня, один из танков Эскадрона В слетел с дороги и сполз в кювет, после чего на него немедленно обрушился вражеский огонь. Я был в передовом танке Эскадрона А на левом фланге полка на каком-то странном участке, когда какой-то бешеный немецкий грузовик прогрохотал где-то рядом со мной, объезжая эти бугры так быстро, что исчез из поля зрения до того, как я успел навести на него свой пулемет. В пятистах ярдах впереди меня я увидел тусклый контур окружающей деревню каменной стены и полосу деревьев за ней.

Шквальный огонь артиллерии и танков сделал дальнейшее продвижение полка невозможным. В 04.30 утра мы получили приказ остановиться и ждать рассвета.

Генерал-лейтенант [Брайан Хоррокс](#) (Brian Horrocks), командующий 10-м Корпусом, руководивший этой атакой, в своих мемуарах *A Full Life* вспоминал:

Это была самая захватывающая и беспокойная ночь в моей жизни. Поскольку мой небольшой тактический штаб, состоявший из трех танков, занимал позицию посреди массы бронетехники, я хорошо понимал, что, если атака сорвется, сомнений в том, чья голова окажется на плахе, не будет.

Но дело пошло. Ночная танковая атака была чем-то новым, и она целиком и полностью вывела немцев из равновесия. Долина, через которую прошла британская бронетехника, могла бы стать идеальным местом для засады в дневное время, но немцы вообще не ожидали ночной атаки, особенно с участием танков.

Хотя мы не смогли [сразу] захватить конечную цель, Эль Хамму, исключительно дерзкая и инновационная ночная атака Гнедых и 9-го Уланского Полка достигла успеха в обходном маневре на фланге Линии Марет и в том, что войска Оси были вынуждены оставить ее. Сильное фланговое охранение противника в районе Эль Хаммы было сбито, тогда как гарнизон, оборонявший Линию Марет, бросился отступить через так называемый горный проход Габес/Gabes – коридор шириной 10 миль между морем и непроходимым солончаковым болотом Chott Djerid (это пересыхающее в сухой период озеро – ВК). Полоса нашего ночного продвижения была усеяна уничтоженными немецкими танками и прочими машинами. Один сгоревший грузовик представлял собой мрачное зрелище. Его задний откидной борт был опущен, и один из находившихся в нем немцев сгорел, пытаясь выскочить из машины. Казалось, он оперся на локти, наполовину свесившись из кузова. Обгорел он страшно. Вся его одежда и ноги были сожжены, на нем вообще ничего не осталось, а голова и торс превратились в какую-то розовую бесформенную массу, словно что-то, наполовину слепленное из пластилина...

Следующий рубеж, на котором немцы оказали сопротивление, находился на горной гряде в нескольких милях от прохода Габес. Крутизна горных склонов и глубина вреза вадди Акарит/Akarit, который стал созданным природой противотанковым рвом, лишили командование возможности использовать Гнедых в попытке прорвать эту линию обороны. Это стало работой для гуркхов 4-й Индийской Дивизии, которые превосходно проявили себя в ночном бою, в котором с ужасающей эффективностью использовали свои ножи кукри. Гнедые позднее приняли участие в преследовании врага, отступавшего на север. Они продвигались миля за милей через оливковые рощи мимо портов Сус/Sousse и Сфакс/Sfax.

Североафриканская кампания приближалась к завершению. Роммель был отозван в Германию, превратившись в большого, лишенного всяких иллюзий человека. 1-я Итальянская Армия и немецкая 5-я Танковая Армия оказались загнанными в непрерывно сжимавшийся в размерах угол Туниса наступавшими с юга британцами 8-й Армии и с запада британцами 1-й Армии и американцами. Завершающий удар наносился в секторе 1-й Армии, атаковавшей вдоль дороги от Меджез-эдь-Баба/Medjez el Bab до столицы страны, хотя три войсковые части, переброшенные в этот сектор из сектора 8-й Армии (4-я Индийская, 7-я Танковая и 200-я Гвардейская Бригада) также должны были принять в этом участие под командованием генерал-лейтенанта этой армии Хоррокса. Атака началась 6 мая, пробила брешь в обороне немцев, и через 36 часов британские бронемшины уже были в столице страны – Тунисе.

Гнедые продвигаются через проход Габес

Тем временем 2-я Танковая Бригада, включавшая *Гнедых*, продвигалась к основанию полуострова Кап Бон/Сар(е) Вон, достигающим в длину 20 миль и в ширину 5 миль и вдающемся в Средиземное море сразу к востоку от столицы Туниса. Мы шли по зеленой равнине, покрытой виноградниками, цитрусовыми садами и рощицами лиственных деревьев с разбросанными там и тут деревнями-фермами. Мы столкнулись с кое-каким сопротивлением – огнем 88-миллиметровки со стороны одной из деревень покрупнее под названием Кретевиль/Creteville, но скоро он был подавлен усилиями моего взвода из Эскадрона А и эскадрона мотопехоты прикомандированных к нам Йоркширских Драгун/Yorkshire Dragoons. Стоявшие впереди горы полуострова казались существенным препятствием. В одном из своих знаменитых приказов Монти обещал, что «с верой в Бога и в правоту нашего дела ... мы заставим немцев ощутить на себе первоклассный Дюнкерк на пляжах Туниса.» Но немцы, израсходовав боеприпасы и оставшись почти без горючего предпочли капитулировать (*в реальности войска Оси сдались, располагая значительным количеством различных припасов – ВК*), а не бросаться в омут эвакуации или обороны на последнем горном рубеже. 13 мая кампания в Африке была официально объявлена окончившейся.

Немецкие и итальянские военнопленные, некоторые в забитых людьми грузовиках, некоторые на своих двоих, сдавались толпами. Со своего танка, припаркованного на обочине дороги, ведущей от мыса Бон, я следил за тем, как их людской поток уходил в тыл. Наиболее удивительно выглядел батальон элитной дивизии *Herman Göring*. Восхитительно выглядевшие крепкие парни, каждый ростом выше шести футов, побросали свои каски, и теперь их светлые волосы поблескивали в лучах солнца. С выпяченной грудью и высоко поднятой головой они маршировали в идеальном строю. Их гордость осталась непоколебленной, когда они шеренга за шеренгой уходили в плен...

Немцы, сдавшиеся в плен в мае 1943 года в Тунисе. Они не выглядят изможденными и пребывают в хорошем расположении духа. Их ждут несколько лет плена на американской земле (1, 2)

Peter Willett. Armoured Horseman. With the Bays and Eighth Army in North Africa and Italy.

Сокращенный перевод и литературная обработка – Владимир Крупник

Возврат к главной странице www.warsstory.org